

В ТЫЛУ ВРАГА

В прошлом номере нашей газеты мы публиковали уже материалы, подготовленные институтским советом ветеранов Великой Отечественной войны, где речь шла в основном об ополченцах и истребителях — политехниках.

В этом номере мы продолжаем публикацию указанных материалов, в которых будет рассказано уже о политехниках-партизанах.

В ПЕРВЫХ числах июля 1941 года большая группа преподавателей, и в первую очередь коммунистов, добровольно вступила в армию народного ополчения, в том числе и мы с Г. А. Абрамовым. Он был назначен командиром пулеметного взвода, я — политруком 3-й роты 3-го полка Выборгской дивизии народного ополчения.

В последних числах июля Г. А. Абрамов по рекомендации Выборгского РК КПСС был назначен командиром партизанского отряда политехников, а 1 августа я был утвержден комиссаром того же отряда.

Затем мы проходили командирскую учебу в Кавголово. В институте партийным комитетом и комитетом ВЛКСМ в то время формировался отряд. Всего из числа добровольцев, главным образом комсомольцев, было отобрано 35 человек. В установленный срок укомплектованный отряд, после нашего ознакомления с личным составом, был направлен в Кавголово для краткосрочного обучения методам ведения партизанской войны. Обучение длилось немногим более недели, после чего нас привезли в город. Несколько дней мы находились на улице Плеханова в помещении института ГВФ на казарменном положении.

В ночь с 28 на 29 августа несколько мелких отрядов по 30—40 человек, в том числе и наш, были сведены в один, более крупный. Сводный отряд вооружили карабинами и патронами.

Нас посадили на открытые машины по 16—20 человек и повезли к линии фронта.

В 2 часа ночи около с. Ивановского нас высадили из машины и предложили дальше двигаться пешим порядком. В этот момент впереди уже не было наших регулярных войск. Немцы вели минометный обстрел районов, близких к Ленинграду. Командир сводного отряда тов. Соколов предложил перейти линию фронта отдельными отрядами. Наш должен был пойти первым.

Нагруженные до максимума боеприпасами (патронами, гранатами, бутылками с горючей смесью) и запасом питания, свернули с дороги в лес и к утру вышли к деревне Захожье, где узнали, что немцы продвинулись далеко вперед и мы находимся в тылу их передовых частей. Двигаясь в лесу по компасу и карте, нашли место для лагеря. Расположили его в лесу, немного западнее озера Пендиковского, на небольшом холме среди заболоченной местности. Построили большой шалаш, в котором спали и скрывались от дождя. Оттуда бойцы отряда выходили в

разведку и на отдельные диверсионные операции.

В одну из наших задач входило нарушение железнодорожного движения на ветке Тосно—Шапки и на шоссе на дороге Шапки—Любань.

Разведкой было установлено, что железнодорожного движения по этой дороге нет, но тем не менее мы подожгли и частью подорвали небольшой мост недалеко от станции Нурма.

Большая часть операций, с учетом ограниченных боевых средств, производилась на дороге Шапки—Любань. Там было очень интенсивное движение как днем, так и ночью. Мы совершили две диверсии. Одной из них руководил помощник командира отряда тов. Сафайлов. Отделению которым командовал т. Басалаев, удалось обстрелять и подорвать легковую машину. Шофер был убит, а выскочивший из машины офицер залег и отстреливался.

В другой операции обстреляли штабную машину. Правда, ее не удалось подорвать, но выскочивший с ручным пулеметом оберейрейтор был убит, как полагают, бойцом Русавским. Мы взяли документы убитого. Затем подорвали и сожгли небольшой мост на шоссе на дороге. Взрывчатку закладывали Гордеев и Степанов. После этих диверсий прекратилось ночное движение машин по дороге.

По непроверенным данным, в одном из близлежащих сел немцы в качестве ответной меры расстреляли несколько советских граждан.

На следующий день после первой диверсии в близлежащих селах были расклеены приказы немцев, извещающие о том, что за связь с партизанами, за помощь им и даже за выход в лес виновные будут расстреляны. Надо сказать, что после этих приказов нам стало труднее доставать питание и сведения о немцах.

В начале сентября разведка установила, что на дороге Шапки—Любань началось интенсивное движение фашистских машин с солдатами. Шла переброска войск. Мы решили совершить более крупную диверсию. Но как ее провести? Мин у нас не было.

Решили пойти на очень рискованную операцию. Ночью на нее вышел весь отряд. К двум часам прибыли на исходные позиции. С трех до четырех часов утра закладывали на дороге тол и гра-

маты. Потом стали ждать немцев. Движение началось поздно, первая партия машин прошло около 7 часов. Мы не смогли произвести их подрыв, так как не сработала граната командира отряда Г. А. Абрамова, которая одновременно служила и сигналом для других.

В половине восьмого, когда стало уже светло, показалась еще колонна из 10 машин, впереди которых шли два мотоцикла и легковая машина. На этот раз сигналом послужил взрыв ручной гранаты, брошенной командиром. Нам удалось подорвать несколько машин. Обстреляли выскочивших из них немцев. Отряд после короткого обстрела ушел в лес без единого выстрела, несмотря на преследование, так как важно было не навести немцев на след и не открыть место расположения лагеря. Производились и другие мелкие операции.

В начале октября наступило сильное похолодание у нас были израсходованы боеприпасы, плохо стало и с питанием. В отряде начались заболевания. Учитывая эти обстоятельства, мы приняли решение перейти линию фронта и там либо получить новое снаряжение и новое задание по работе в тылу, либо перейти в состав действующей армии.

К моменту выхода из тыла у нас произошла встреча с группой командиров одной танковой дивизии в составе 7 человек во главе с начальником политотдела дивизии т. Васильевым. Переходить линию фронта решили вместе. На нас ложилась большая ответственность не только за бойцов отряда, но и за командиров Советской Армии, поэтому разведка пути движения производилась очень тщательно, и в наиболее опасных местах двигались ночью. Нам удалось просочиться через фронт, миновав занятую немцами Ладву, и выйти в расположение наших частей у назиевских торфяных разработок.

В октябре 1941 года по распоряжению штаба Северного фронта отряд был расформирован.

Следует заметить, что перед отъездом на учебу в Кавголово весь отряд был сфотографирован, но фотографии, а также списки членов отряда либо были уничтожены спецотделом института, либо переданы в архивы вне института. Поэтому установить сейчас полные сведения обо всех участниках отряда на память очень трудно.

А. ЖУРИН,
член КПСС с 1932 года,
доцент ЛПИ, бывший комиссар 76-го партизанского отряда

